

М. Г. РАБИНОВИЧ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ВОЙСКЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Вопрос о происхождении и древности различных народных русских музыкальных инструментов уже ставился в нашей литературе. Почти все курсы истории музыки включают хотя бы краткое описание наиболее типичных народных инструментов и некоторые сведения об их происхождении, развитии и распространенности. Из русских работ, специально посвященных народным музыкальным инструментам, следует назвать прежде всего исследование Н. И. Привалова «Музыкальные инструменты русского народа»¹, описание музыкальных инструментов б. Дашковского музея, составленное А. Л. Масловым², и работу В. А. Мошкова «Труба в народных верованиях»³. Но все эти работы, как и немногие другие исследования по этому вопросу, посвящены в основном описанию инструментов, выяснению их чисто музыкальных свойств и только иногда — сравнительному этнографическому анализу. В тех случаях, когда авторы рассматривают вопрос о применении, которое эти музыкальные инструменты имели в прошлом, они либо ограничиваются узкой областью ритуалов, как В. А. Мошков, либо дают лишь отрывочные и часто неверные сведения, основанные на немногих исторических источниках, как Н. И. Привалов.

В этом отношении показательна работа Н. Ф. Финдейзена «Очерки по истории музыки в России»⁴, где исторические источники (в том числе и источники изобразительные) привлечены лишь в отрывках, выбор которых автором совершенно неясен, и при этом использованы некритически, часто из вторых рук. Отсюда происходит ряд грубых ошибок автора, приводящих к досадным недоразумениям. Так, например, описываемые Ибн-Фадланом похороны руса в Булгаре Н. Ф. Финдейзен ошибочно относит к волжским болгарам⁵ и делает отсюда далекие идущие выводы не о русской, но о болгарской музыке.

Изучение исторических источников, относящихся к древней Руси, за последние десятилетия настолько сильно продвинулось вперед, что позволяет значительно углубить и расширить наши исследования. Нужно особо отметить, что после выхода в свет работы А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник»⁶ в научный оборот вошел почти не использовавшийся ранее вид источников — миниатюры летописных сводов, житий и т. п., которые дают чрезвычай-

¹ Ч. I — Записки Русского археологического общества, т. VII; ч. 2 — отдельное издание, СПб., 1907, Ударные музыкальные инструменты русского народа — Известия Санкт-Петербургского общества музыкальных собраний, СПб., 1903.

² «Иллюстрированное описание музыкальных инструментов, хранящихся в Дашковском этнографическом музее в Москве», М., 1909. Ныне они в Музее народов СССР.

³ «Живая старина», 1900, вып. III и IV. Более поздняя по времени работа Хоткевича «Музичні інструменти українського народу» (Харків, 1930) в основной своей части повторяет перечисленные работы, в особенности работы Привалова.

⁴ Т. I и II, М. — Л., 1928—1929.

⁵ Указ. соч., т. I, стр. 19—21.

⁶ Москва, 1945.

но богатый материал и для истории развития музыкальных инструментов.

Предлагаемая статья имеет своей задачей восстановить по письменным, изобразительным и археологическим источникам роль, которую играли в древнерусской жизни некоторые виды музыкальных инструментов, их внешний вид и способ употребления и сравнить их с современными народными музыкальными инструментами.

Наши основные источники — летописи и иллюстрирующие их миниатюры — уделяют больше всего внимания военной жизни русского народа. Походы, сражения и осады городов — вот наиболее частые сюжеты, встречающиеся в летописях. Поэтому естественно, что начинать наше исследование удобнее всего именно с военной музыки, одновременно выясняя и значение музыки и музыкальных инструментов в мирной жизни народа, насколько это позволяют делать источники.

Хронологически предлагаемая работа в отношении исторического анализа ограничена периодом до XV в., когда военная музыка на Руси была еще вполне народной и не превратилась в специальный род искусства, заслуживающий отдельного исследования.

Рассматривая в основном военную музыку, мы вынуждены исключить из нашего исследования целый ряд музыкальных инструментов, не получивших широкого распространения в военном обиходе и не нашедших поэтому отражения в наших источниках. Мы ограничимся духовыми и ударными музыкальными инструментами, оставив в стороне инструменты струнные. При этом необходимо заранее оговориться, что собственно музыкальные качества инструментов, а именно характер издаваемого ими звука, не могут быть нами рассмотрены, так как данных о звучании инструментов в изучаемый нами период почти не сохранилось.

Музыкальные инструменты применялись в древнерусском войске прежде всего как боевые сигнальные инструменты. Они могут быть разделены на две группы — ударные инструменты (бубны, накры, набаты) и инструменты духовые (трубы, зурны, рога и посвистели). Все эти инструменты, вместе взятые, составляли своеобразный набор, имевшийся, очевидно, в каждом более или менее значительном отряде. Насколько тесно вошли эти сигнальные инструменты в военный быт, видно хотя бы из того, что, желая охарактеризовать прирожденного воина, в древней Руси говорили, что этот человек с самого своего рождения был вблизи военных труб: «Куряне сведоми къмети,— читаем мы в «Слове о полку Игореве»,— под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конец копия въскръмлены»⁷. Некоторые сведения, встречающиеся в наших источниках, позволяют предположить, что трубы и бубны придавались войсковым соединениям определенной численности. Так, летописное повествование о Липицкой битве (1216) для определения численности войска суздальских князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей называет число стягов, труб и бубнов, имевшихся в войске у каждого из них. У Юрия было 17 стягов, 40 труб и столько же бубнов, а у Ярослава 13 стягов, а труб и бубнов 60⁸. Очевидно, не только стяги, но и звуковые сигналы обозначали определенный отряд. При этом важно отметить, что стяги, по всей вероятности, придавались тем же соединениям, что и музыкальные инструменты, но на каждый стяг приходилось по несколько бубнов и труб.

⁷ «Слово о полку Игореве», М., 1800, стр. 8. (Подчеркнуто нами.— М. Р.).

⁸ Новгородская IV летопись. ПСРЛ, т. IV, СПб., 1915, стр. 193.

Некоторые западноевропейские материалы также позволяют предположить, что численность войск могла определяться по числу имеющих в них войсковых сигнальных инструментов⁹. Множество сигнальных инструментов отмечали в русском войске западноевропейские наблюдатели в разные времена. Так, Генрих Латвийский, сталкивавшийся с русскими войсками в XIII в., неоднократно отмечал в отрядах русских дудки и литавры. «Русские..., — пишет он в одном месте, — добрались до небольшой реки, перешли ее и остановились. Затем собрали вместе свое войско, ударили в литавры, затрубили в свои дудки и стали король псковский Владимир и король новгородский, обходя войско, ободрять его перед битвой»¹⁰. А на 300 лет

Рис. 1. Осада Киева печенегами. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 35. лиц.)

позже посол императора Максимилиана Герберштейн писал в разделе своих «Записок о московитских делах», посвященном состоянию русского войска: «У них много трубочей, и если они по отеческому обычаю станут дуть в свои трубы все вместе и загудят, то можно услышать тогда некое удивительное и необычайное звучие. Есть у них и некий другой род музыки, который на их родном языке называется зурною (Szurna). Когда они прибегают к ней, то играют почти в продолжение часа, немного более или менее, до известной степени без всякой передышки или втягивания воздуха. Они обыкновенно сперва наполняют воздухом щеки, а затем, как говорят, научившись одновременно втягивать воздух ноздрями, издают трубою звук без перерыва»¹¹.

Здесь мы видим, кроме подтверждения распространенности в русском войске военной трубной музыки, еще и любопытное описание звучания русского военного оркестра и способа игры на зурне, бывшей, как видно, новинкой для австрийца Герберштейна.

Звуковые сигналы подавались главным образом в тех случаях, когда войска, сносившиеся между собой, находились недалеко друг от друга.

⁹ Например Chanson de Roland. Ed. par E. Stengel, Paris, 1900.

¹⁰ Хроника Ливонии Генриха Латвийского. М., 1938, стр. 179, 227—228 и др.

¹¹ Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 79—80.

Нам известны случаи подачи сигналов при помощи труб отрядами, находившимися на разных берегах реки. Об одном из них — об осаде печенегами Киева еще в 968 г.¹² — подробно рассказано в наших летописях. Извещенные осажденными в городе о безвыходном положении и необходимости немедленной выручки, стоявшие на другом берегу реки воины воеводы Притича рано утром уселись в насады и «вѣструбиша вельми, и людѣ во граде кликнуша»¹³. Трубный звук, раздавшийся из ладей был, как видно, подхвачен трубачами в городе (трубачи эти изображены на приведенной нами миниатюре — рис. 1). Печенеги решили, что на помощь осажденным пришел князь Святослав, и бежали от города.

Рис. 2. Боевые сигнальные трубы. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 207 об.)

Другой случай относится к 1169 г. Половцы пришли на Киев и осадили на обоих берегах Днепра две крепости, бывшие важными передовыми укреплениями на подступах к Киеву, — Переяславль и Корсунь. Князь Киевский Глеб Георгиевич начал с половцами переговоры, желая, очевидно, разбить их отряды по частям. Затягивая переговоры с тем отрядом, который стоял у Переяславля, он направился с войском к Корсуню, вероятно с тем, чтобы снять с него осаду¹⁴. В летописном тексте нет никакого упоминания о том, что русские или половецкие отряды, находящиеся на разных берегах Днепра, как-либо сносились между собой. Но миниатюра, иллюстрирующая этот текст, позволяет нам предположить, что художнику было что-то известно о такого рода переговорах. Во всяком случае он изобразил две крепости, разделенные рекой, — очевидно, Корсунь и Переяславль. У каждой крепости стоит трубач. Оба трубача, как видно, перекликаются через реку¹⁵ (см. рис. 2). Реально такая перекличка не могла быть возможной, так как расстояние от Переяславля до Корсуни превышает 60 км. Корсунь расположен далеко от берега Днепра, на берегу Роси. Ясно, что изображение, как и все наши миниатюры, представляет собой лишь условное изображение реального действия. Но, с другой стороны,

¹² «Повесть временных лет», по Лаврентьевскому списку, СПб., 1910, стр. 65.

¹³ Н. И. Привалов считал, что в русском войске трубы появляются лишь с XII в. (Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, стр. 164). На самом деле, как мы видим, трубы были известны в русском войске по крайней мере на два столетия раньше.

¹⁴ Кенигсбергская летопись, лист 207 оборотный.

¹⁵ Там же, лист 207 оборотный верхняя миниатюра.

ясно и то, что миниатюрист реально представлял себе возможность как для русских, так и для половецких отрядов, находившихся в ту пору на обоих берегах реки, переговариваться между собой при помощи звуковых сигналов — в данном случае при помощи труб.

Звуковыми инструментами подавались боевые сигналы при осадах городов и в сражениях, а также в разных других случаях войсковой и мирной жизни.

Сигнал к началу боя или приступа подавался, как правило, одновременным, сильным и дружным звучанием всех «военных сигнальных инструментов», как это описано в приведенной выше цитате из записок Герберштейна. Например, князь Святослав, готовясь к штурму города Болгара на Волге (1220), «повеле всем вооружиться, и стяги наволочив, изрядив полки в насадах и удариша в накры и в арганы, и в трубы, и в зурны, и в посвистели»¹⁶. Сигнал к штурму

Рис. 3. Боевая сигнальная труба. Штурм г. Рязани Всеволодом Большое гнездо. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 227 об.)

был подан, таким образом, развевающимися стягами и громкими звуками военной музыки.

Подобным же образом объявляли и отбой. В 1343 г. новгородцы вместе с псковичами осаждали занятый немцами Орешек. Осада длилась долго, без решительного успеха. Псковичи не хотели продолжать осады. Новгородцы же просили их либо продолжить осаду, либо отступить так, чтобы немцы не заметили, что силы осаждающих убывают. Но псковичи все же отступили днем, «оудари в трубы, в бубны и в посвистели»¹⁷, т. е. демонстративно дали громкий сигнал отбоя, к великой радости немцев.

Изображение осады городов на миниатюрах Кенигсбергской летописи почти всегда включает одного или двух трубачей, на башне осажденного города¹⁸.

Наиболее ясно видно применение труб при штурме крепости в опи-

¹⁶ Тверская летопись. ПСРЛ, т. XV, СПб., 1863, стр. 331.

¹⁷ Новгородская IV летопись, стр. 278. См. также С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Изд-во «Общественная польза», т. I, стр. 949.

¹⁸ Кенигсбергская летопись, лл.: 15 лицевой нижняя миниатюра, 29 оборотный нижняя, 37 оборотный нижняя, 129 оборотный верхняя, 144 оборотный, 194 лицевой нижняя, 236 оборотный верхняя и др.

сании штурма г. Рязани князем Всеволодом в 1179 г. «Князь же Всеволод,— гласит летопись,— иде к Резаню и взя город борисов и глебов»¹⁹. На соответствующей миниатюре изображен штурм города. Бой, как видно, идет у крепостных ворот. Всеволод с войском врывается в город. На крепостной стене стоит трубач без шлема, в коротком платье, подающий какие-то сигналы в длинную прямую трубу (см. рис. 3). Если этот трубач принадлежит, повидимому, к осажденным (город еще не взят), то нередко изображения трубачей и на стороне осаждающих. Например, на миниатюре, изображающей осаду Переяславля Ольговичами, справа, вне стен крепости, нарисован трубач с трубой, напоми-

Рис. 4. Боевая сигнальная труба с прикрепленным к ней полотнищем. Осада Переяславля. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 167 лиц. нижн.)

нающей современный горн. К трубе прикреплено треугольное полотнище, вроде полотнища стяга, алого цвета²⁰ (рис. 4). Аналогичные изображения трубачей позади войска, осаждающего город, мы находим на сценах осады Чернигова князем Ярополком.

У нас нет определенных данных о том, какую роль играла военная музыка во время передвижения войск, на походе. Можно, однако, думать, что и на походе и в сражении даваемый ударными инструментами ритм мог иметь существенное значение.

В полевом сражении звуковые сигналы служили для управления боем и прежде всего для созыва войск в одно место. Мы уже видели, что и начало боя и отбой возвещались звуками труб. Но иногда необходимо было собрать войска в определенном месте. Так, по окончании Куликовской битвы князь Владимир Андреевич Серпуховской решил прекратить преследование татар и собрать русские войска вокруг себя. Для этого он укрепил в определенном месте свой стяг «и повеле троубити собранными трубами. И снидошася елико остана живиѣи хрестьянские (христианские.— М. Р.) вои»²¹. На соответствующей миниатюре Никоновской летописи изображены развевающиеся знамена и трубачи, трубящие в прямые длинные трубы (см. рис. 9).

Интересный сюжет призыва войска при помощи рожка содержится в сказке о неверной жене. Герой сказки — царский сын, разыскивая свою жену, оставил войско за городом, а сам проник во дворец инозем-

¹⁹ Там же, л. 227 об.

²⁰ Там же, л. 169 л. в. и л. н.

²¹ Никоновская летопись. II Остермановский том, стр. 195.

ного короля, где и нашел свою жену. В это время вернулся король. Неверная жена выдала королю героя, советуя его повесить. Приведенный к виселице герой обращается к королю с просьбой: «Дай мне перед концом поиграть в рожок». Король позволил. Заиграл царский сын — у ево сила-то (войско. — М. Р.) и зашумела — идет к нему. «Што это у тебя?». «Это у моёва отца голубей много, летают. Дай мне иишо последней раз игорнуть...» Заиграл. Сила та иишо пущше зашумела. «Што это?». «Это голуби ближе летят». Еще раз попросил игорнуть. Заиграл — а тем временем у короля всю силу побили»²². Значение призывных сигналов, подаваемых в рожок, выступает в этой сказке очень ясно. Подобные же сюжеты вошли и в некоторые былины и в народные песни²³.

К сожалению, русские источники не дают нам более подробных сведений о характере звуковых сигналов, подававшихся трубами. Материал, освещающий этот чрезвычайно важный для нас вопрос, мы можем почерпнуть из западноевропейских памятников, в особенности из «Песни о Роланде», в которой содержится подробное описание боя франков с маврами.

На первом месте среди сигнальных инструментов в этом описании стоит рог, при помощи которого передаются самые разнообразные сигналы: призыв войска, приказ изменить направление движения, приказ приступить к погребению убитых и т. п.

Звуковые сигналы, конечно, могли быть очень разнообразны, так как и трубы, и рога, и даже бубны и барабаны различного рода обладают достаточным богатством выразительных средств, чтобы передать любой сигнал. Частично это можно видеть на примере «Песни о Роланде».

Военные трубы прочно вошли не только в боевой обиход, но и в различные торжественные процедуры. Миниатюры русских летописей изображают трубачей, участвующих в сценах, строго говоря, не военных. Так, на миниатюре, изображающей заключение мира между князьями Ярополком и Всеволодом, слева, в стороне от сидящих князей, стоит трубач, без шлема, но с обнаженной саблей у пояса. Он трубит в большую трубу, напоминающую по форме современный горн²⁴. Очевидно художник так изобразил салют в честь заключения мира.

Интересна сцена приема князем Галицким делегации. В центре, на «столе» (троне), сидит князь. Слева от него стоит трубач в коротком платье, без шапки. Он трубит в длинную прямую трубу. Звук даже показан вырывающимися из трубы штрихами²⁵. Наконец, упомянем еще две сцены торжественного въезда князей в город. Первая из них — сцена въезда князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо во Владимир. Текст летописи гласит: «И бысть радость велика во граде Володимире»²⁶. На миниатюре изображены стены и башни города. Перед городом — войско Всеволода, возвращающегося с победой. В городе видны церкви (вероятно, художник напоминает о приветственном колокольном звоне). Из-за крепостной стены трубач трубит в прямую длинную трубу. Вторая сцена изображает торжественный въезд сына Всеволода, Ярослава Всеволодовича, на княжение в Переяславль Русский. Перед городом — князь с дружиной. В городе два трубача, один с длинной прямой трубой, другой — с рогом²⁷.

²² Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии, П., 1914, № 40. стр. 271—273.

²³ Например в былинну о Василии Окульевиче («Песни русского народа», сборник изд. Русск. геогр. о-вом, СПб., 1894. стр. 62).

²⁴ Кенигсбергская летопись, л. 160 об.

²⁵ Там же, л. 196 об. н.

²⁶ Кенигсбергская летопись, л. 225 об.

²⁷ Там же, л. 243 об. в.

Попытаемся теперь определить, какие именно инструменты разумеются под приведенными нами выше названиями боевых сигналов в древней Руси.

Мы имеем все основания предположить, что богатый набор военных музыкальных инструментов русского войска состоял из тех инструментов, которые были всеобщепотребительны в народе. «У русских,— писал еще Н. Костомаров,— были свои национальные инструменты — гусли, гудки (ящики со струнами), сопели, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (род литавр), волынки, ленки, медные рога и барабаны»²⁸. В этом перечне инструментов мы находим почти все названия, встречавшиеся нам прежде. Своеобразный оркестр русских народных инструментов изображен на миниатюре Кенигсбергской летописи, посвященной быту древнеславянских племен. «Въсхожахоуся на игрища, на плясания и на вся бесовскаа пени,— гласит летопись,— и тоу оумыкаху жены собе»²⁹. В центре миниатюры пара танцующих — женщина в

Рис. 5. Игрища славян-вятичей. Видны бубен и сопель. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 6 об.)

длинной одежде и мужчина в красной рубахе. На поясе мужчины привешен круглый плоский бубен или барабан, в правой руке — какое-то орудие странного вида, которым, очевидно, ударяют по барабану. Орудие это есть, по нашему мнению, не что иное, как «вощага», которая использовалась для игры на барабанах и литаврах еще в XVII в. В. А. Висковатов³⁰ описывает вощагу из собрания Оружейной палаты как плетъ из толстого ремня с короткой рукояткой и шаром из ремней же на конце. Этим шаром и ударяли по натянутой поверхности барабана (см. табл. III). В правом нижнем углу миниатюры — два сидящих музыканта. Один из них играет в прямую дудку — возможно, «сопель» или «посвистель», имеющую отверстия, на которых лежат пальцы игрока, другой — в дудку более сложной формы с раструбом и шаровидным утолщением посередине (рис. 5). Этот инструмент по своему внешнему виду напоминает индийскую язычковую флейту *tubri*, у которой мундштук вставлен в высушенную тыкву, откуда выходит с другой сто-

²⁸ Н. Костомаров. Очерк жизни великорусского народа. Журн. «Современник», 1860, № 9, стр. 87. Здесь Костомаров перечисляет, очевидно, лишь главнейшие роды инструментов.

²⁹ Кенигсбергская летопись, л. 6 об.

³⁰ Историческое описание одежды и вооружения российских войск, т. I, М., 1899, стр. 106—107.

роны раструб (см. табл. II, рис. Г). Тыква служит, таким образом, как бы воздушным резервуаром³¹.

Изображений струнных инструментов — гуслей и гудков — в военных сценах нами не встречено. Можно думать, что в боевом обиходе они не нашли широкого применения из-за малой силы своего звука, легко заглушаемого шумом битвы. Однако несомненно, что в быту князей и дружины эти струнные инструменты занимали большое место. Вспомним прекрасные, поэтические строки «Слова о полку Игореве»: «Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пушаше, нъ своя веща прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами князем славу рокотаху»³². И Боян и автор «Слова» — это придворные певцы, участники пиров и походов, провозглашавшие славу князьям и дружине, играя на каком-то струнном инструменте, возможно, — на гуслях.

Наиболее важным и широко распространенным боевым сигнальным инструментом были, как мы могли убедиться из предыдущего текста, трубы. Недаром в описях Оружейной палаты «трубничьей рухлядью» названы все музыкальные инструменты, в том числе и ударные.

Собственно трубой называлась еще в XIX в. обыкновенно «медная в один и более долгий оборот цевка с губником и с раструбом»³³. Это определение соответствует приводимым нами изображениям труб, напоминающих по форме современный горн (см. рис. 2). Прямые же трубы «без оборота» (см. рис. 3) назывались «рожками». В дальнейшем изложении мы не будем придерживаться этого различия, которое, как мы увидим, основано на чисто внешних признаках. Да и вообще трубами назывались уже и в то время, по всей вероятности, не только медные, но и деревянные инструменты, а рожком называется далеко не всякая прямая труба, а лишь деревянная труба сравнительно короткая, имеющая отверстия для пальцев.

Для удобства в нашем исследовании, как это делается и обычно, народные духовые музыкальные инструменты разбиты на три большие группы:

1. Лабиальные (губные), — в которых воздушная струя регулируется либо губами исполнителя (сюда относятся простые трубки и флейты), либо еще и мундштуком, направляющим воздушную струю на острый край трубки (сюда относятся дудки и свистелки).

2. Лингвиальные, или язычковые, — в которых воздушная струя регулируется дрожащим язычком, простым (жалейки) или двойным (зурны).

3. Амбушюрные инструменты, не имеющие язычков. Здесь губы исполнителя заменяют язычок. К этой группе инструментов относятся охотничьи и военные рога и пастушьи трубы³⁴.

При сравнении древнерусских музыкальных инструментов с современными народными инструментами мы руководились тремя главными признаками — названием инструмента, установленным по летописям и другим письменным источникам, внешним видом инструмента, воссоздаваемым по изображениям и музейным коллекциям, и, наконец, —

³¹ Н. И. Привалов. Указ., соч., стр. 21—23. Ср. также: Curt Sachs. Geist und Werden der Musikinstrumente, Berlin, 1929. Подобный инструмент из Индонезии приведен под названием «Zungenpfeife» (S. 216, Tafel 38, Nr. 268). Само название tubri Закс относит собственно к двойной язычковой флейте (см. Sachs, Reallexikon der Musikinstrumente, Berlin, 1913, S. 400).

³² «Слово о полку Игореве», стр. 4.

³³ В. Даль. Словарь живого великорусского языка, т. IV, стр. 819.

³⁴ А. Л. Маслов. Указ., соч., стр. 38. В дальнейшем изложении ссылки на номера предметов даются по публикации Маслова. Эти номера с существующими ныне музейными номерами не совпадают.

манерой игры на инструменте, понятие о которой иногда можно составить по описанию игры и изображениям.

Инструменты лабиальные — разного рода флейты (возможно, что это и есть «сопели» и «посвистели», упоминаемые нашими летописями³⁵) в изображениях встречаются редко. Мы можем с большей или меньшей долей вероятности признать сопель лишь в одном изображении — в руках одного из трубачей, участвующих в сцене вятичских игрищ, уже описанной нами выше (см. рис. 5). Это сравнительно короткая трубка (длиной, вероятно, 35—40 см), которую исполнитель держит обеими руками, положив четыре пальца левой руки на поверхность инструмента и, очевидно, перебирая пальцами отверстия, которых на рисунке не видно.

Такого рода инструменты широко распространены у всех народов и, в частности, в большом употреблении у народов славянских. Это небольшие прямые дудочки, обычно деревянные, длиной до 40—45 см, с мунштуками и отверстиями для пальцев на одной или двух сторонах. В коллекциях Дашковского музея, описанных А. Л. Масловым, таких дудок и сопелок множество. Укажем две «сопилки» из б. Полтавской губернии (№№ 112 и 113), одну из Харьковской (№ 114), три дудки из б. Гродненской губернии (№№ 115—117) и одну из района Гомеля (№ 121). Там же имеются польские «свиставки» (№№ 118 и 119), хорватская «пичталка» (№ 122) и чешская дудочка (№ 105). Все эти инструменты вполне однотипны (см. табл. I), и каждый из них вполне может быть сопоставлен с приведенным нами изображением. Эти «сопели» и «посвистели», по всей вероятности, и придавали древнерусской военной музыке народный характер.

Если мы обратим внимание на сцену осады Киева печенегами в 968 г. (см. рис. 1), то увидим, что стоящий на башне города трубач держит в обеих руках прямые, довольно длинные трубы, концы которых сходятся у его рта. Это, очевидно, изображение так называемой двойной трубы, либо же двойной флейты, или жалейки. Н. И. Привалов в своем исследовании отмечает, что инструменты подобного вида могут быть лабиальными — двойными флейтами — или язычковыми — жалейками (с простым язычком). И к тем и к другим относится народное название «сурьма» или «свирель»³⁶. Положение труб на приводимом нами рисунке позволяет предположить, что это скорее двойная труба, так как у жалейки обе трубки расположены параллельно, а не под углом, а на миниатюре трубач трубит не в обе трубы сразу, но лишь в одну из них.

У восточных славян сурьмы, свирели и жалейки до недавнего времени были широко распространены и употреблялись, например, в Белоруссии при святочных игрищах в избах. Некоторые исследователи полагают, что именно жалейки или сурьмы описывает у славян еще Ибн-Даста в X в.³⁷ В коллекциях Дашковского музея есть тростниковые жалейки из б. Тульской и Воронежской губерний³⁸ (№№ 145—147). Интересный инструмент, происходящий из Средней Азии (район Ташкента), описан А. Ф. Эйхгорном под названием «урра»³⁹. Две кониче-

³⁵ Н. Ф. Финдейзен (указ. соч., т. I, стр. 203) также относит летописные сопели и посвистели к инструментам лабиальным. Отмечая различие, которое летописи делают между сопелями и посвистелями, он признает, что в настоящее время установить это различие трудно, но предполагает, что, возможно, под сопелями и посвистелями понимаются прямые и поперечные флейты.

³⁶ Духовые музыкальные инструменты русского народа, СПб., 1907, стр. 110—127.

³⁷ Там же, стр. 116.

³⁸ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 47.

³⁹ А. Ф. Эйхгорн. Полная коллекция музыкальных инструментов народов Центральной Азии. СПб., 1885, стр. 15.

ские трубы разной длины соединены вместе узкими концами. Каждая из них имеет по три отверстия для пальцев. Инструмент этот, судя по описанию Эйхгорна, также имеет какое-то древнее ритуальное значение.

Мы видим, таким образом, что двойные трубы, жалейки и сурьмы — происхождения чрезвычайно древнего, что у славян они были распространены, по всей вероятности, уже в X в. и сохранились до недавнего времени, войдя, между прочим, в обиход святочных обрядов, что также указывает на древность этого музыкального инструмента.

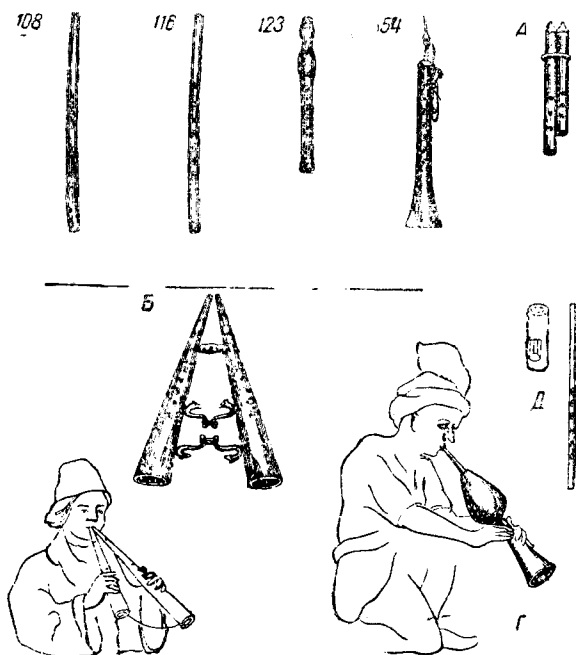

Таблица I. Народные духовые инструменты. Губные (лабиальные) и язычковые

(Порядковые номера даны по каталогу А. Л. Маслова.)

№ 108. Бирбиния — литовская деревянная дудка (дл. 42 см). № 116 Деревянная дудка из б. Гродненской губ., (дл. 42 см). № 123 Саламури — кавказская дудка (дл. 31 см). № 154 Зурна среднеазиатская (дл. 41 см). А. Жалейка (по рисунку XIX в.). Б. Двойная труба (древнее изображение). В. Двойная флейта у белоруссов (с картины XIX в.). Г. Tibri — древняя индийская язычковая флейта. Д. Сопелка из Полтавской губ.

Другой вид язычковых инструментов — зурны — может быть описан нами лишь по письменным источникам. Среди исследованного нами изобразительного материала не найдено ни одного инструмента, который можно было бы с большей или меньшей достоверностью определить как зурну. Приведенное нами выше описание игры на зурне Герберштейном, посетившим Московию в начале XVI столетия, показывает, что в то время зурны в Западной Европе распространены не были. Герберштейн, которого так поразил долгий и непрерывный звук, издаваемый зурной, очевидно, не встречал этого инструмента ни у себя на родине, в Австрии, ни во время своих длительных путешествий по Европе⁴⁰. Резкий звук, который издают зурны и волынки, был чрезвы-

⁴⁰ Поэтому мнению Эйхгорна (указ. соч., стр. 10) о том, что зурна проникла в Западную Европу из Передней Азии еще в эпоху раннего средневековья, кажется нам в отношении датировок неосновательным.

чайно удобен для боевых сигналов, и поэтому совершенно естественно, что зурна имела в древнерусском войске значительное распространение. Позднее Флетчер также отмечал в русском войске зурны, называя их гобоями. Среди современных народных русских музыкальных инструментов зурна не встречена вовсе. Приводимые А. Л. Масловым экземпляры (№№ 154—160) все происходят либо из Средней Азии, либо с Кавказа⁴¹. Зурна, которую Маслов называет «родоначальником усовершенствованного гобоя», представляет собой деревянную трубку длиной 40—50 см, с раструбом и восемью отверстиями для пальцев. В верхний конец зурны вставлена узкая трубка, в которую вставляется еще одна медная трубочка, а на нее надевается еще тростниковый мундштук (см. табл. I). Нам представляется, что зурна не имела широкого распространения в быту древней Руси, а применялась главным образом для военной сигнализации.

Рис. 6. Игры скоморохов (по фреске лестницы Софийского собора в Киеве). Прямые трубы. Поперечная флейта

Богаче всего представлены в нашем материале инструменты амбужные. На первом месте здесь стоят прямые длинные трубы, уже упоминавшиеся нами ранее (см. рис. 3). Такие трубы, судя по описаниям, были широко распространены в древности у евреев. Изображения их встречены на греческих краснофигурных вазах и на триумфальных арках римских императоров Тита (I в.) и Константина II (IV в.). В римском войске эти трубы широко применялись и получили название «туба». В средневековой Европе такие трубы были известны также под названием «Trompete»⁴². Одна из древнейших русских фресок — роспись лестницы Софийского собора в Киеве (XI в.) содержит изображения скоморохов. В их руках изображены музыкальные инструменты, в том числе два духовых — прямые трубы (рис. 6). Трубы эти несколько короче, чем изображенная на рис. 3, но в остальном от нее не отличаются. Н. И. Привалов, на том основании, что Софийский собор был произведением византийских зодчих, считает и эти трубы византийскими⁴³. Это мнение, принятое и некоторыми позднейшими историками музыки, базируется главным образом на работах Н. П. Кондакова, который вообще слишком часто без достаточных оснований возво-

⁴¹ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 48.

⁴² A. Demmin. Die Kriegswaffen in ihren geschichtlichen Entwicklungen, 1891. S. 703.

⁴³ Зап. Рус. археол. о-ва. т. VII, вып. 2, стр. 135.

дил к византийским оригиналам целый ряд чисто русских изображений, в том числе и миниатюры Кенигсбергской летописи⁴⁴. Между тем фрески Софийского собора, в особенности же росписи лестниц, при всех своих византизмах, несомненно, отражают в значительной мере быт киевского великокняжеского двора, и изображенные на них музыкальные инструменты нельзя так безоговорочно признавать византийскими. Это чувствовал и Н. Ф. Финдейзен, который, принимая в основном концепцию Кондакова о византийском происхождении и содержании фресок, с удивлением констатировал все же, что «музыкальные инструменты, изображенные на фресках, вовсе не греческие»⁴⁵.

Игры скоморохов не являются чем-то специфичным исключительно для Византии. Они были широко распространены и на Руси. Фрески киевского Софийского собора, в котором были помещены портреты княжеской семьи, содержали, очевидно, изображения сцен из жизни княжеского двора (охота на медведя, игры скоморохов и т. п.) и древнерусских музыкальных инструментов.

На миниатюрах трубы окрашены по большей части в желтый цвет, что позволяет предположить, что они были медными. Современные пастушьи трубы — деревянные, сложенные из двух половин, каждая из которых имеет выдолбленный полуцилиндрический паз, так что при складывании внутри трубы получается цилиндрический канал. Сверху деревянные трубы нередко оплетаются берестой. «Трубы такие, — пишет А. Л. Маслов, — обычно не имеют звуковых отверстий, отчего являются непригодными для исполнения мелодий, а дают лишь известный натуральный ряд звуков. До тех пор, пока труба на Западе не была усовершенствована, то и не могла служить для музыкальных целей, а была преимущественно сигнальным и религиозным инструментом»⁴⁶. Это же обстоятельство отмечает и В. А. Мошков, добавляя, что густой и сильный звук трубы делает ее чрезвычайно удобной для военной сигнализации и ритуальных действий⁴⁷. Чем труба длиннее, тем сильнее издаваемый ею звук. Это обстоятельство может объяснить и появление изогнутых труб, по форме напоминающих современный горн (см. рис. 2 и 4). Так как при большой длине трубы применение ее в военном деле становится затруднительным, появилась необходимость сделать трубу более портативной, сохранив силу ее звука, т. е. длину. Металлическая труба легко может быть свернута в один и более оборот. На Западе такие трубы были распространены с XI—XV вв. под названием *clarine* или *doppelwundene Trompete*. Они известны по рисункам из рукописей XV в. Наиболее раннее изображение такой трубы на Западе — фигурка XIV в. из Нюрнбергского музея⁴⁸.

Приведенные нами изображения показывают, что в XV в., когда изготовлялись миниатюры Кенигсбергской летописи, на Руси уже были широко распространены такие трубы с оборотом. Но исследователям бесспорно установлено, что миниатюры Кенигсбергской летописи в ряде случаев копировались с более ранних. Миниатюры, приведенные нами, иллюстрируют события XII в. Возможно, таким образом, что трубы, напоминающие по форме современный горн, были известны на Руси и ранее XV в.

Среди наших коллекций имеется множество прямых длинных труб, происходящих как из русских и славянских земель, так и из Средней Азии и Сибири. Назовем здесь польскую обрядовую трубу — лигавку (№ 172), обрядовую и пастушью трубу гуцулов — трембиту (№ 173).

⁴⁴ Подробнее об этом см. А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 7.

⁴⁵ Указ. соч., т. I, стр. 57.

⁴⁶ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 49.

⁴⁷ В. П. Мошков. Указ. соч., стр. 300.

⁴⁸ A. Demmin. Op. cit., S. 707.

пастушьи трубы из б. Смоленской, Могилевской, Тамбовской и Олонецкой губерний (№№ 176—178, 180, 182 и 183), кавказскую горотото, или саквири (№ 171), среднеазиатский карнай (№№ 169 и 170) и бурятскую голин-буре (№№ 166—168) (см. табл. II) ⁴⁹. В. А. Мошков отмечает подобные же трубы у сербов-лужичан⁵⁰. Длина этих труб от 1,16 м до 2,5 м, а в отдельных случаях даже до 4 м. Встречаются и металлические и деревянные трубы. Пастушьи трубы с оборотом, но не металлические, а деревянные, составленные из нескольких колен и оплетенные берестой, встречены в б. Олонецкой, Вологодской и Могилевской губерниях (№№ 186—187) (см. табл. II) ⁵¹. Длина их достигает

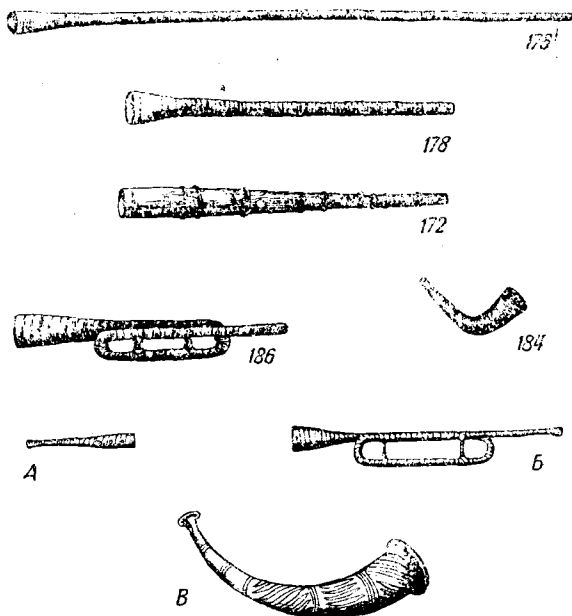

Таблица II. Народные духовые инструменты. Амбурные

№ 176. Пастушья труба из б. Смоленской губ. (дл. 2 м 10 см).
 № 178. Пастушья труба из б. Могилевской губ. (дл. 1 м 24 см).
 № 172. Лыгавка — обрядовая польская труба (дл. 1 м. 23 см).
 № 186. Пастушья труба из б. Вологодской губ. (дл. 82 см).
 № 184. Пастуший рог из б. Минской губ. (дл. до 50 см).
 А. Пастуший рожок из б. Ямбургского уезда (дл. 25 см).
 Б. Пастушья труба из б. Олонецкой губ. В. Изображение рога Роланда по рукописи XIV в.

80—90 см (в развернутом виде эти трубы были бы длиной около 2 м). Происхождение этого вида деревянных труб представляется нам своеобразным отражением в народных инструментах инструментов специально сигнальных и оркестровых. Очевидно, деревянные трубы в данном случае подражают металлическим. Н. И. Привалов, а вслед за ним и А. Л. Маслов предполагают, что этот вид труб был заимствован русскими в очень поздний период (в XVII в.) из Западной Европы, в особенности же из Финляндии⁵² (!). Приведенный нами выше материал доказывает существование труб с оборотом на Руси по крайней мере с XV в., т. е. одновременное появление их как на Руси, так и на Западе. Вопрос о заимствовании представляется поэтому весьма спорным.

⁴⁹ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 50—52.

⁵⁰ В. А. Мошков. Указ. соч., стр. 315.

⁵¹ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 52.

⁵² Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, вып. 2, стр. 167; А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 52.

Автор одной из новейших работ о музыкальных инструментах Курт Закс отмечает повсеместное распространение подобных труб (Alphöfner или Rindentrompeten) среди пастухов как в Европе, так и в Азии и даже в Южной Америке⁵³.

Что же касается прямых труб, то совершенно не обязательно предполагать, что они проникли к нам из Римской империи через Византию, как это делает Привалов⁵⁴. Эта форма труб, существующая в настоящее время только как пастушья, повидимому, очень древнего переднеазиатского происхождения и могла распространиться на Руси независимо от Рима и Византии.

Другая группа амбушюрных музыкальных инструментов, бытующих до настоящего времени, — пастушьи и охотничьи рожки — также встре-

Рис. 7. Заглавная буква Р из Новгородского евангелия XIV в.

чается в исследуемом нами материале. Одна из художественно выполненных заглавных букв новгородского недельного евангелия (XIV в.) — буква Р — представляет собой фигуру бирича с жезлом в руке. Бирич трубит в короткую прямую трубу с широким раструбом и тремя отверстиями для изменения высоты звука (рис. 7)⁵⁵. Аналогичная этой короткая деревянная пастушья труба, которую Н. И. Привалов определяет как рожок, имеется в коллекции Н. И. Привалова. Длина ее 25 см. Она имеет три отверстия (табл. II). Интересно, что эта короткая труба-рожок происходит из б. Ямбургского уезда, т. е. также из Новгородской земли⁵⁶.

Короткий прямой или изогнутый рожок был очень удобен при передвижении, которое длинная труба чрезвычайно стесняет. Вероятно, поэтому такие рожки и употреблялись биричами для привлечения внимания слушателей перед объявлением порученной биричу вести.

Рог же был особенно удобен для конного воина, так как с ним можно было справляться одной рукой, оставляя другую свободной, чтобы править лошадью. Поэтому вполне естественно, что на наших миниатюрах у конных воинов почти всегда изображены рога (рис. 8), в то время как трубачи нарисованы либо пешими, либо стоящими на крепостных стенах и башнях. Собственно рога — изогнутые, сделанные из естественного рога вола, барана, козла, а в древнейшие времена и тура, были известны всем народам земного шара еще с глубокой древности⁵⁷. Должно быть с очень древних времен они стали делаться и из искусственного материала — бронзы, дерева и т. п., а также из слоновых клыков. Рога из слоновых клыков были распространены в эпоху средневековья в Северной Африке, откуда проникали, начиная, кажется, с IX в., в Европу. Самое название такого рога «олифант» связывают с материалом, из которого он сделан (от *elephas* — слон). Олифанты были знаками отличия знати. Они украшались художественной резьбой, накладками из драгоценных металлов и т. п. В европейских музеях

⁵³ Curt Sachs. Handbuch der Musikinstrumentenkunde, Leipzig, 1930, S. 296.

⁵⁴ Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, вып. 2, стр. 167.

⁵⁵ В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. LXIX, рис. 8.

⁵⁶ Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, стр. 183.

⁵⁷ В. А. Мошков (указ. соч., стр. 304—307) дает обширную сводку упоминаний рога в древнейших памятниках (талмуде и пр.) и распространения его у современных народов.

хранится несколько таких рогов. Рог Тулузского музея предание приписывает самому Роланду; рог, хранящийся в Аахенском соборе — Карлу Великому⁵⁸. Олифант брата Карла Великого, Карломана, находится в Брюссельском музее. Этот рог длиной 0,59 м, с украшениями из золота, очень похож на изображение рога Роланда, имеющееся в рукописи, датированной XIV в.⁵⁹. Олифант с богатой серебряной накладкой с изображениями сцен охоты и сражений (XI в.) принадлежит Копенгагенскому музею⁶⁰. Охотничьи и военные сюжеты были, кажется, излюбленными украшениями рогов. Вспомним, что накладной серебряный орнамент одного из турьих рогов-ритонов, найденных в «Черной могиле» — погребении славянского князя X в., — также содержит

Ри: 8. Русское войско на походе. Виден сигнальный рог. Миниатюра Кенигсбергской летописи (л. 173. об. нижн.).

сцены фантастической охоты⁶¹. Изображения рога встречаются и в южнославянском орнаменте. Так, заглавное И из боснийского апокалипсиса XV в. украшено изображением человека, трубящего в рог⁶².

Рассмотрев весь этот материал, устанавливающий древность бытования рога, мы можем теперь с полным основанием отвергнуть предположение Привалова о том, что русский охотничий рог — результат укорочения военной трубы с загнутым концом (*lituus*) и что рог появился на Руси уже после XVI в.⁶³. Ведь и курганные находки и древние миниатюры показывают, что рог и как сигнальный инструмент и как ритон был издревле широко распространен на Руси. Использование в этих целях рогов животных было вполне естественным. Для этого не требовалось укорачивать длинные трубы.

Упомянутые в летописях арганы, или органы (встречается и название «варганы») довольно трудно связать с каким-либо современным народным музыкальным инструментом. И. И. Срезневский связывает этимологически само название инструмента со словом «орган», но и он

⁵⁸ В. А. Мошков. Указ. соч., стр. 310.

⁵⁹ Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, стр. 137—138.

⁶⁰ Demmin. Op. cit., S. 705.

⁶¹ См. Д. Я. Самоковасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916. Н. Ф. Финдейзен без достаточных оснований считает турьи рога из «Черной могилы» музыкальными инструментами.

⁶² В. В. Стасов. Указ. соч., табл. XXXIII, рис. 23.

⁶³ Зап. Рус. археол. о-ва, т. VII, стр. 175.

отмечает, что упоминаемые в летописях органы это не органы, но какие-то ударные инструменты, на что указывает хотя бы выражение: «громко в варганы быют»⁶⁴. Изобразительный материал не позволяет нам восстановить внешний вид древнерусских органов. Греческое слово «орган» (*ор҃҃҃҃҃҃҃*) обозначает не только собственно орган, но музыкальный инструмент вообще⁶⁵. Лиутпранд (умер в 972 г.), бывший послом в Константинополе, описывая церемонию торжественного приема послов, различает «духовые и ударные органы», звучавшие поочередно⁶⁶. Здесь, очевидно, речь идет о разных видах музыкальных инструментов вообще.

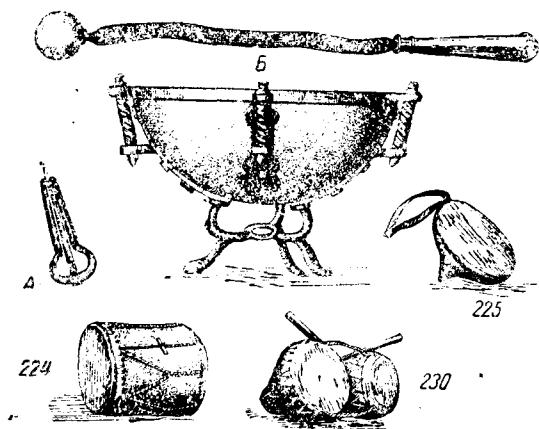

Таблица III. Народные музыкальные инструменты. Ударные

А. Варган. Б. Литавры и вошага из Оружейной палаты. № 225. Кыш даул. Охотничий барабан из Самарканда. № 224. Доли — барабан из Дагестана (выс. 33 см., диам. 31 см.). № 230. Диплупито — кавказские глиняные литавры с палочками

В недавнее еще время (до того, как всеобщее распространение получила гармонь) в русской деревне были распространены оригинальные инструменты, которые назывались варганами. Это были небольшие металлические инструменты, состоящие из подковообразной основы, к которой одним концом прикреплен длинный подвижной язычок из тонкой металлической пластинки. При игре концы основы берутся в рот, а свободный конец язычка приводится в движение пальцем. Получающийся при этом звук регулируется движениями языка и губ (см. табл. III). Инструмент этот под разными названиями распространен у целого ряда народов. Украинцы называют его «дрымба», сербы и хорваты — «дромбула», немцы — «Maultrommel», чуваш — «кабас», или «кабаш», якуты — «комыс», или «хомуз»⁶⁷. Н. И. Привалов, ссылаясь на коллекции Петербургского археологического института, утверждает, что медные инструменты типа варгана были распространены еще в греческих колониях в Причерноморье⁶⁸. Звук, издаваемый современным варганом, слишком слаб, чтобы служить военным сигналом. Поэтому

⁶⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, стр. 227.

⁶⁵ Курт Закс, описывая современный варган (Maultrommel), также обращает внимание на созвучие названия этого инструмента и органа и полагает, что здесь под словом «орган» разумеется музыкальный инструмент вообще (Curt Sachs. Handbuch der Musikinstrumentenkunde, S. 64).

⁶⁶ Н. Ф. Финдейзен. Указ. соч., т. I, стр. 47.

⁶⁷ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 44.

⁶⁸ Н. И. Привалов. Ударные музыкальные инструменты русского народа, стр. 34.

И пошелъ трубитьъ избранныи труба-
ми . не подошла елико естажа мори
крътъи естѣиши . и попраша ену

Рис. 9. Сбор войск на Куликовом поле. Видны сиг-
нальные трубы. Миниатюра Никоновской летописи
(II Остермановский том, стр. 195).

Дѣтѣмъ поранѣмъ ударъ пѣбны .
 ѿсполниѣ полѣ испон понде . а кой за

Рис. 10. Сцена похода. Бубны. Миниатюра Никоновской летописи (Лаптевский том, л. 53 лиц.).

Рис. 11. Соколиная охота. На шее коня висит бубен. Миниатюра Никоновской летописи (II Остермановский том, стр. 1620)

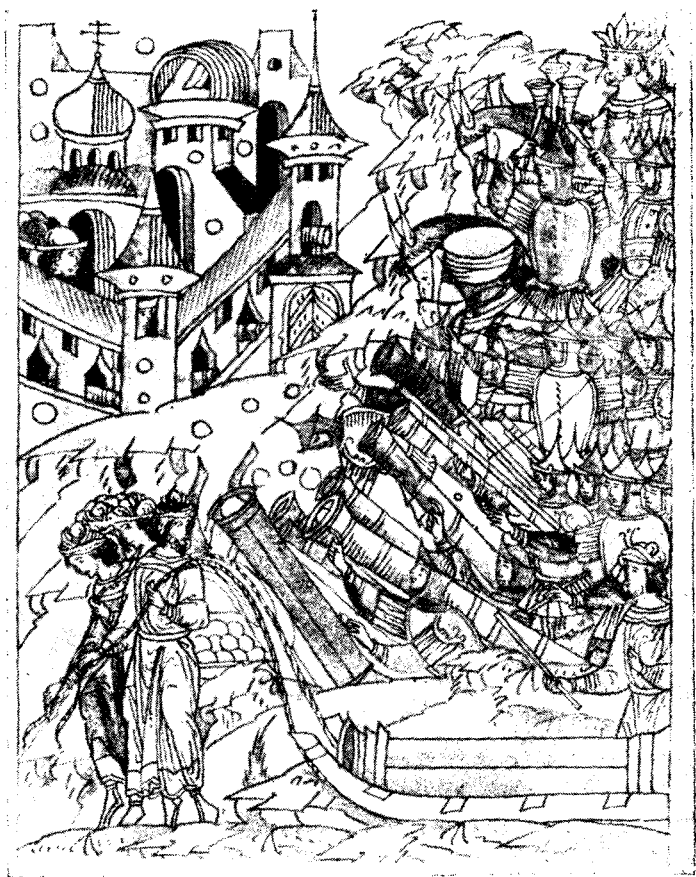

Рис. 12. Осада города. Видны литавры. Миниатюра Никоновской летописи (Голицынский том, л. 757 лиц.).

сопоставить этот инструмент с летописными органами не представляется возможным. Определить летописные органы можно будет лишь в том случае, если о них найдется соответствующий изобразительный материал. Сейчас же мы можем только сказать, что в летописях речь идет о каких-то ударных музыкальных инструментах.

Сопоставление летописных упоминаний бубнов с их изображениями приводит нас к выводу, что в древней Руси бубнов, таких, какие мы привыкли видеть в наше время, с одной только мембраной, шумящими дисками, вставленными в обод, и бубенчиками, — очевидно, не существовало. Под словом «бубен» наши предки понимали барабан. На рис. 6 мы видели такой плоский барабанчик, подвешенный к поясу исполнителя. На одной из миниатюр Лаптевского тома Никоновской летописи мы вновь видим изображение барабанов, иллюстрирующее следующий текст: «Оутре же порано король оударя в бубны, исполчив полки свои поиде»⁶⁹. Барабаны высокие, цилиндрические. На них видна тесьма, регулирующая натяжение кожи на обеих мембранах. По барабанам ударяют, как видно, одной палкой, поддерживая барабан свободной рукой (рис. 10). Другое изображение бубна встречено также в Никоновской летописи. Бубен висит на шее коня Луки Колоцкого во время соколиной охоты и, как видно, служит сигнальным инструментом для подзывания соколов (см. рис. 11)⁷⁰. По своей форме, насколько это можно установить, этот бубен похож на «кышдаул» — маленький охотничий барабан из Средней Азии. Барабан этот (см. табл. III) имеет одну только мембрану и шлемообразный корпус. Диаметр его 28 см. Изображения барабанов, привешенных у пояса воина, встречаются еще в древнем Египте⁷¹.

Накры были также своего рода барабанами, вроде современных литавр. Они имели полусферическую форму и обычно употреблялись парно. Изображения накр имеются в Никоновской летописи также в рисунках военных сцен (см. рис. 12)⁷². Этот сигнальный инструмент был, кажется, вовсе чужд Западной Европе. Накры проникли туда из Турции в XVII в. под названием «sardarnaggara»⁷³. Это название во второй своей части совпадает с русским наименованием литавр — «накры». Русский путешественник XV в. Афанасий Никитин отмечает накры, или «нагары», в составе боевых сигнальных инструментов, применявшихся в Индии. У одного из индийских феодалов, Мелик-Тугара, «на всякую ночь двор его стерегут сто человек в доспехах, да 20 трубников, да 10 нагар, да 10 бубнов великих». Значение бубнов, накр и труб как сигналов здесь выступает очень ясно. Как отмечает П. Савваитов, для ударов в литавры были специальные палочки с шариком на конце⁷⁴.

Самое название, под которым накры фигурируют в Европе в XVII в. — sardarnaggara, чрезвычайно интересно. Оно лишний раз подтверждает гипотезу о заимствовании западноевропейскими войсками этого инструмента от турецких янычар. Н. Бессарабов в своем исследовании о древних европейских музыкальных инструментах⁷⁵ дает подробное описание военного оркестра янычарских войск. Полный состав военного оркестра янычар включал 54 человека, 9 из которых играли

⁶⁹ Никоновская летопись, Лаптевский том, л. 53 лиц.

⁷⁰ Никоновская летопись, II Остермановский том, стр. 1620.

⁷¹ Demin. Op. cit., S. 708.

⁷² Никоновская летопись, Голицынский том, лист 757.

⁷³ Demin. Op. cit., S. 708.

⁷⁴ Ср. П. Савваитов. Описание старинных русских утварей, СПб., 1896, стр. 82.

⁷⁵ N. Bessaraboff. Ancient european musical instruments. 'An organological study of the musical instruments in the Leslie Lindsey Mason collection at the Museum of Fine Arts, Boston, 1941, p. 20—24.

на зурнах, 9—на трубах, 9—на «полумесяцах»⁷⁶, 9—на турецких барабанах, 9—на кимвалах и 9—на накрах. Бессарабов считает далее, что восточные ударные инструменты проникали постепенно в Западную Европу по трем основным путям—в эпоху раннего средневековья через Испанию от мавров (об арабском происхождении литавр говорит, по мнению некоторых авторов, и самое их название «нагара» — pagga), через восточное побережье Средиземного моря в эпоху крестовых походов и через Россию, Польшу и Венгрию в XIV—XVII вв.⁷⁷

Однако на Руси накры и другие ударные инструменты были хорошо известны, как мы видели, и в гораздо более древние периоды, в Западную же Европу они попали, по всей вероятности, уже позднее, в связи с борьбой против турок.

Рассмотренные нами ударные инструменты—барабаны и накры—встречаются среди народных музыкальных инструментов главным образом у наших юговосточных соседей. Так, род примитивных литавр, представляющих собой глиняные горшки, затянутые кожей (причем настройка на определенную высоту звука производится путем нагревания горшков),—«диплипито»—происходит с Кавказа, упомянутый нами охотничий барабан—из Средней Азии, деревянный цилиндрический барабан «доли»—из Дагестана и т. п.⁷⁸

В результате произведенного нами анализа некоторых видов древнерусских музыкальных инструментов⁷⁹ и сравнения их с современными народными инструментами мы можем сделать следующие выводы:

1. Военная музыка в древней Руси исполнялась, за редким исключением, на тех инструментах, которые были в ту пору общеупотребительны в народе и основные типы которых существуют поныне.
2. Подавляющее большинство русских народных музыкальных инструментов бытовало на Руси с глубокой древности, и мнение предыдущих исследователей о поздних заимствованиях этих инструментов русскими от соседних народов (в особенности из Византии) неосновательно.
3. Ряд музыкальных инструментов (в особенности инструменты ударные) тесно связаны с Востоком, многие же формы инструментов (например инструменты лабиальные) были издавна распространены во всем мире.

⁷⁶ Schellenbaum—инструмент в виде штанги с укрепленными на ней колокольчиками, зачастую увенчанный бунчуком или изображением полумесяца. Из янычарского оркестра перешел в Европу и теперь составляет неперемнную принадлежность каждого военного оркестра (Sachs. Handbuch..., S. 51—53).

⁷⁷ N. Bessaraboff. Op. cit., p. 32—37.

⁷⁸ А. Л. Маслов. Указ. соч., стр. 60—61.

⁷⁹ В настоящей статье не рассмотрены набаты, била и колокола, применявшиеся для военной сигнализации, так как это были инструменты специальные и в народных инструментах аналогий не имеют.